

СКАЗОЧНИКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДА КОМИ¹

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА КОРОВИНА

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН:
Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

***Аннотация.** Статья представляет собой исследование комплекса проблем, связанных с искусством коми сказочников. Богатство и разнообразие коми сказок, записанных на протяжении большого промежутка времени, значительное количество выявленных сказочников, наблюдения собирателей, касающиеся особенностей манеры исполнения сказок, позволяют сделать некоторые выводы относительно роли сказочников в современной культуре народа коми:*

1. Особенно широко бытовала сказка в разнообразных артелях и предназначалась в основном для взрослых. Развитие сказочного творчества в коми культуре шло в основном за счет мужского сказительства. Этим в значительной степени объясняется наличие в репертуаре местных сказочников развернутых и богатых приключениями сюжетов.

2. Сказки при всех реликтовых отголосках древних магических функций, в них заложенных, — это все-таки произведения развлекательные. Их рассказывали в часы досуга, чтобы скоротать время, получить эстетическое наслаждение.

3. Каждый из сказочников обладал индивидуальными особенностями. Одни из них знали одну-две, несколько сказок, другие обладали значительным репертуаром, включающим в себя порой по несколько десятков текстов. Одни — сказочники случайные, другие — прирожденные мастера. От личного вкуса рассказчика зависел выбор из сказочного репертуара, бытующего в данной традиции. В создании образа участвовали не только слово, но и жест, мимика, голос.

Ключевые слова: коми народная сказка, сказочник, народная культура, традиция, сказочник-эпик, сказочник-балагур, индивидуальный стиль.

Проблема исполнителя как специфического феномена традиционной устной культуры является одной из ключевых в фольклористике, поскольку связана не только с бытованием текста, но и способом его передачи, исполнения, хранения. Постановка проблемы изучения сказителя относится к 60–70-м гг. XIX в. и является заслугой русской школы

фольклористов (см. работы Н. Е. Ончукова [Ончуков 1908], Д. К. Зеленина [Зеленин 1914], М. К. Азадовского [Азадовский 1938] и др.).

Методологической основой подхода к решению данной проблемы является понимание диалектического единства коллективного и индивидуального в фольклорном творчестве. Однако это

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН в 2015–2017 гг. № 15-13-6-30 «Коми устная сказочная традиция и современные народные сказочники».

Домна Ефимовна Сокерина (1895 г.р.) из д. Кони Усть-Вымского р-на Республики Коми — талантливая сказочница, певица-импровизатор. Односельчане называли ее местным скоморохом (теш карысь). Фото А. К. Микушева, 1964 г. Хранится: НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 278а. Л. 24 об.

Domna Efimovna Sokerina (born 1895) from village Koni of Ust'-Vym' district of Komi Republic, a gifted narrator of folk-tales and an improvising singer. Fellow villagers called her "tesh karys'" (the local minstrel). Photo by A. Mikushev, 1964. Preserved at the National Archive of Komi Republic, fund 1, inv. 11, d 278a, list 24

утверждение не свидетельствует об отсутствии субъекта традиционной культуры. Именно сказочник в фольклорной традиции является тем центром, где органично соединяются коллективное и индивидуальное начала, присущие всякому искусству. Сказочник рассказывает то, что было сочинено задолго до него, создано его народом, отшлифовано коллективом. В границах любой культуры, начиная от архаической и заканчивая современной, этот субъект демонстрирует тот набор качеств, который позволяет рассматривать его как индивида, представляющего от лица коллектива, т. е. коллективную личность [Костина 2008, 33]. Иными словами, сказитель тесно связан со средой, одаренным представителем которой он является. Произведения

сказочников отражают общие процессы, происходящие в современном фольклоре, важны как исторические и социальные документы и в то же время является глубоко индивидуальными. Вот почему упор делается, прежде всего, на изучение начала индивидуального, поскольку оно в наибольшей степени поддается конкретно-историческому изучению и является ключевым моментом единства.

К сожалению, приходится признать, что проблема сказителя и сказительства, по существу, не занимала в коми фольклористике центрального места, уступая его проблемам генезиса и истории жанров. «Погоня» за новыми записями мешала длительным контактам исследователей и собирателей с исполнителем. В настоящее время мы не располагаем более подробными сведениями о личности многих сказочников и их искусстве. В большинстве случаев такая информация уже невозможна, поскольку живые сказительские традиции угасли либо трансформировались. Такого активного бытования сказки, какое отмечали собиратели лет 40-50 назад, уже нет. Вместе с тем материал, собранный исследователями и хранящийся в архивах Коми НЦ УрО РАН, Национального музея РК и Национального архива РК, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), убедительно свидетельствует о том, что сказка (*мойд*) занимает одно из ведущих мест в поэтическом творчестве коми народа. Фольклорные записи свидетельствуют о развитости сказочной традиции, о наличии одаренных исполнителей этих произведений в коми народной культуре.

Степень изученности сказочного эпоса в различных районах определялась рядом причин, в том числе наличием или отсутствием заинтересованных или подготовленных собирателей, а также состоянием сказочной традиции. Наиболее освещенным в этом отношении оказался Удорский р-н (Удора). Несомненно, самый значительный вклад в изучение удорских сказок внес Ф. В. Плесовский. Он трижды (1948 г., 1960 г., 1962 г.) побывал в этом районе. Во время экспедиций им была собрана уникальная фольклорная коллекция (98 сказок), открыты новые имена удорских сказочников. Материалы этого ученого, а также Научные отчеты

о полевых исследованиях профессора А.К. Микушева и подробные описания четырех коми сказочников, опубликованные И.А. Осиповым в приложении к сборнику «*Висер вожса сьыланкывъяс да мойджывъяс*» (Песни и сказки Вишеры), стали основой для подготовки данной работы. Частично автор опирается на собственные наблюдения, явившиеся результатом ее знакомства с талантливым коми сказочником И.И. Игушевым.

Традиция рассказывания сказок в Коми крае сохранялась вплоть до 1980-х гг. Научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Т.И. Орнатская, побывавшая с Ф.В. Плесовским в 1961 г. на Удоре, еще застала в этом районе такой этап жизни сказочной традиции, когда почти в каждой деревне был сказочник, пользовавшийся известностью среди односельчан. В своем отчете Т.И. Орнатская написала: «В Удорском р-не и сейчас нетрудно отыскать сказочников. Сказка здесь прежде жила полнокровной жизнью <...>. Преобладающее большинство из них (сказочников. — Н.К.) — мужчины, отлично владеющие русским языком, рассказывают сказки как по-русски, так и по коми» [РО ИРЛИ РАН. Р.В. Кол. 219. Папка 1, 7].

Считается, что у коми не было профессиональных сказочников. Это, в частности, отмечал Ф.В. Плесовский: «Сказочников-профессионалов у коми нет, но сказки знают и любят многие колхозники. Репертуар большинства исполнителей ограничивается 5–10 номерами. Лучшие сказочники знают до 30 сказок и рассказывают их с большими художественными подробностями» [Плесовский 1950, 12]. Однако репертуар ни одного из коми сказочников так ни разу и не был полностью зафиксирован. Счастливым исключением стала запись репертуара коми сказительницы А.А. Шуктовой (1891–1975). За 16 лет А.К. Микушев записал от нее около 50 сказок [Микушев 1980, 10]. В 1980 г. вышел сборник А.К. Микушева «*Ипатыдорса фольклор*» (Фольклор села Ипатово, 1980) посвященный талантливой коми сказительнице. Он является пока единственным коми фольклорным изданием, где рассматривается творчество отдельного исполнителя. Во вступительной статье дается творческий портрет А.А. Шуктовой. Одним из последних

хранителей богатой удорской сказочной традиции можно назвать и талантливого сказочника И.И. Игушева (1921–1994) из д. Муфтыга Удорского р-на. Как и многих других одаренных исполнителей, его «открыл» Ф.В. Плесовский. В 1960 г. от И.И. Игушева было впервые записано восемь сказок. Во время неоднократных поездок автором данной статьи был записан основной репертуар сказочника.

Тем не менее, вопреки общепринятому мнению, есть свидетельства, что сказочники-мастера, своего рода профессионалы, пользовавшиеся известностью далеко за пределами своих мест проживания, все же имелись. По словам А.С. Селиванова, одного из исполнителей сказок, проживавшего на Мезени, «вашкинские» (жители по р. Вашка в Удорском р-не. — Н.К.) сказки очень любили слушать. Когда лес возили, приезжали к нам вечерами на лошадях с колокольчиками и увозили моего отца, чтобы он рассказывал им сказки. Другой такой мужик был, звали Палладий, его тоже возили» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 20].

К сказочникам-профессионалам, правда условно, И.А. Осипов причисляет самобытного сказочника из с. Сторожевск А.С. Ширяева. Лишившись еще в трехлетнем возрасте зрения, он до 19 лет жил с отцом и научился у него рассказывать сказки. После смерти отца А.С. Ширяеву пришлось ходить по деревням и собирать милостыню. За свою жизнь он совершил 34 «выхода в люди». За это время он побывал почти во всех деревнях и селах Коми края. Слава о нем как о талантливом сказочнике разнеслась по всей округе. И как только он приезжал в какое-то село, в доме, где он останавливался, тотчас же собирались мужики, чтобы послушать его сказки [Осипов 1941, 286–287].

Коми сказочник, как можно предположить на основе анализа свидетельств собирателей народного творчества, был по преимуществу представителем крестьянства. Сферы бытования сказки в крестьянской среде были чрезвычайно разнообразными. Особенно благоприятствовали рассказыванию сказок осенние и зимние работы коми крестьян. В это время после обмолота хлеба многие крестьяне, особенно северных районов республики, уходили на «лесование» (охоту, лесозаготовки, отхожие

промыслы). В охотничьей избушке после трудного дня собирались от двух до пяти человек. В этих условиях рассказывание сказок становилось главным способом времяпровождения в длинные осенние и зимние вечера. Поэтому большинство лучших сказочников на Печоре, Выми, Мезени, Вашке, Вычегде оказались в прошлом охотниками и на вопрос, где они слышали ту или иную сказку, часто отвечали: «в угожьях», т. е. в охотничьей избушке. В. Жданов из с. Кослан Удорского р-на, например, отмечает: «Сказкаестö ёнджыкасö угöддясад да кер каригён кывльвлі» (Сказки в большинстве случаев рассказывали в лесных избушках да при заготовке леса)² [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 191]. Охотник И. Ф. Политов из д. Политово Удорского р-на рассказывал о сказочнике В. Е. Дубленникове: «Мы вместе с ним охотились. Если много зверя или лося убьем, тогда он говорил: “Ну, Иван, сегодня я тебе хорошую сказку расскажу. Если никого не убьем — ничего не расскажу”» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 8].

Сказка на лесозаготовках бытовала не менее интенсивно, чем в охотничьей избушке. Сказочник Е. Нючев говорил: «Когда работал в лесу, каждую ночь новую сказку рассказывал» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 7]. Об исполнителе А. С. Вурдове его сын рассказывал: «Просыпаешься утром и видишь вчерашних слушателей: все спят, кто на полу, кто на скамейке. Значит, всю ночь слушали сказки, пока не сморил их сон» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–21].

Кроме того, сказки рассказывались и распространялись разного рода странствующими сельскими ремесленниками: катанщиками, пимокатами, портными. По сведениям И. А. Осипова, известный сказочник из с. Большелуг Корткеросского р-на Ф. Т. Мишарин рассказывает сказки с тех пор, как он начал ездить по деревням валять валенки [Осипов 1941, 253]. О сказочнике из с. Корткерос Е. Д. Ладанове исследователь заметил: «...36 раз ездил работать на заводы; во время поездок на заводы и научился рассказывать сказки, от одного да от другого» [Осипов 1941, 252].

Знатоками сказок являлись и солдаты, разносящие по всей стране услышанные и усвоенные ими в казармах сюжеты. А. С. Селиванов был мобилизован в Первую мировую войну и сам не раз рассказывал сказки солдатам. «Однажды, когда рассказывал сказку об Иване Ивановиче, снаряд разорвался как раз над нашей землянкой. После ранения много раз рассказывал я эту сказку в госпитале. Любили слушать ее донские казаки. Все время просили, чтобы я рассказывал, и всегда удивлялись, спрашивали: “Сам что ли был с ними?” Видимо, хорошо получалось» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 20]. Сказочник В. Е. Дубленников отмечал, что во время Великой Отечественной войны много сказок рассказывалось в госпиталях. «Сказки рассказывались очень удалы русские», — говорил он, вспоминая о своей госпитальной жизни [Там же].

Сказки рассказывали и в домашних условиях. Мужчины средних лет, иногда и старики, собирались по вечерам у кого-либо из соседей, любителя сказок, чаще всего рассказчика, и после беседы о новостях, после веселых шуток незаметно переходили к рассказам случаев из своей охотничьей жизни, к сказкам, бывальщинам. На таких вечерах бывала и молодежь, которая училась сказкам у старших. Рассказчиками сказок были и мужчины, и женщины. По воспоминаниям жителей д. Муфтыга, Васса баб (бабушка Василиса Никоновна Ивкина) была большой любительницей сказок и рассказывала их с большой охотой: «Звёз вылас пуксяс, дай завейтас висьтасьны-мойдны» (Садится на помосте для въезда в сеновал и начинает рассказывать сказки) [АА].

Для многих коми сказочников путь обучения сказительству с детских лет, через непосредственное восприятие живой, близкой традиции был одним из основных. И. И. Игушев еще ребенком остался без зрения, и это обстоятельство в какой-то мере способствовало его увлечению сказками: «Асвосяесöкöt пышьвяны иг вермы. Баб-пöльескöt пукавльвлі. Вöйтти эд из юны, сöберитчасны сизим-көкъямыс мужик да казка висьталöны, гольöны» (Бегать со своими сверстниками не мог. Сидел со старыми людьми. Раньше

² Здесь и далее при цитировании коми сказок, если не указано иное, перевод с коми сделан автором статьи.

ведь не пили, соберутся семь-восемь мужиков и сказки рассказывают, разговаривают) [АА]. С 17 лет он начал рассказывать сказки сам. Вначале детям, а затем о нем как о талантливом сказочнике узнали и взрослые. Его начали приглашать на вечера сказок в школу. Неоднократно ему пришлось рассказывать сказки детям во время дежурства его сестры, Антонины Ивановны, в школьном интернате. Кроме сказок он знает много быличек, загадок, а также частушек, исполнение которых сопровождает игрой на балалайке.

Значительную роль в формировании сказочников играла семейная традиция — передача сказительского искусства от старших к младшим, от отцов к сыновьям, от дедов к внукам и т. д. По свидетельству одного из удорских исполнителей, А. С. Селиванова, сказки он перенял от своего отца [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 20].

А. А. Шуктомова вспоминала, что в далеком детстве она вместе со своими братьями и сестрами длинными осенними и зимними вечерами слушала сказки 90-летнего дедушки Ивана Тимофеевича (по прозвищу Тима Вань). Ему известная коми сказительница была обязана своими первыми знаниями сказок [Микушев 1980, 4].

В овладении сказительским искусством есть моменты, не поддающиеся рациональному объяснению, с трудом воспринимаемые нашим сознанием. Сюда, в частности, относится та быстрота и легкость, с какой сказочник усваивает сказку. Как отмечает И. И. Игушев, «*отчъд висъталасны или книгаысь отпыр лыддясны, ме верма уже висътавыны казкасё*» (один раз расскажут или прочитают из книги, я могу уже рассказать сказку) [АА]. Поэтому неслучайно существовало представление о приобретении исполнительского дара чудесным образом, некими таинственными путями. У коми, например, имеется легенда о волшебных уроках музыки у черта. Для того, чтобы хорошо научиться играть на гармонике, нужно было взять нож, иголку, петуха, невыделанную коровью кожу, гармонику и вечером на Святках идти в баню. Там разостлать кожу, на ней обчертиться ножом, иголку без ушка воткнуть в свою одежду и вызвать «*рyvъsan ajka*» — банного старика. Тот сначала поломает гармошку,

потом снова сложит и затем начнет играть всевозможные мелодии. Проиграет он до тех пор, пока не пропоет петух, тогда он падает и исчезает. В результате этого смельчак усваивает все услышанные мелодии [Сидоров 1997, 183].

Коми сказки уже к моменту первых записей полностью носили развлекательный, эстетический характер. Однако изучение бытовой обстановки, в которой они до недавнего времени рассказывались, позволяет ретроспективно выявить отголоски их древнейшей функции. Немногочисленные, но интересные данные свидетельствуют о существовании в XIX — начале XX в. пространственно-временных ограничений коми сказки, о которых должны были знать и которых должны были придерживаться исполнители.

Общим в культуре самых разнообразных народов является то, что сказки запрещалось рассказывать днем, при дневном свете и в течение лета, разрешалось же рассказывать ночью и в зимнюю пору. «Отзвуки» запрета рассказывать сказки в летние месяцы у коми отмечены на Сысоле, где существовало поверье, что в этот период нельзя рассказывать сказки, т. к. это грозит тем, что медведь может напасть на коров; кроме того, нельзя рассказывать сказки днем, иначе могут пропасть все ложки [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 3]. По сведениям информанта Л. Михайловой из с. Богородск Корткеросского р-на, ее бабушка Е. А. Конакова говорила: «*Оз позь мойдны лунын и гожьмын. Мойдöны сöмын рытнас. Мойдан кö лунын либö гожьмын, кывзас катша да висъталас ошлы. Кор вотчыны мунан, ош повзёдас*» (Нельзя рассказывать сказки днем и летом. Рассказывают сказки только вечером. Если будешь рассказывать сказки днем или летом, услышит сорока и расскажет медведю. Когда пойдешь в лес за ягодами, медведь напугает) [АА]. Эти поверья можно интерпретировать как одно из свидетельств магических свойств этого прозаического жанра: произнесение сказочного текста привлекает духов, демонов и их помощников, что может быть опасным для человека, а исчезновение ложек символически обозначает конец съестных припасов в доме [Лавонен 1977, 15].

Как выяснилось из заметок собирателей, наряду с ограничениями существовали и периоды, когда считалось

необходимым рассказывать сказки. Так, по свидетельству М. С. Кочевой (д. Коптюга Удорский р-н), «В Великий пост собираемся девки, и ну, сказки рассказывать. Песни-то нельзя было петь — пост. Сказка — не грех» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 219. П. 1. № 1. Л. 7].

Аналогичные примеры можно обнаружить и в других традициях. Некоторые источники указывают, что и в староверческой среде Русского Севера и других регионов в течение весеннего времени, на который приходился Великий пост, разрешалось сказывание взрослыми и стариками в доме только так называемых «сказок с моралью» (назидательных), пафос которых был близок народным псалмам и духовным стихам, а также некоторым сюжетам героических былин, входивших в «постовой» репертуар [Бернштам 2000, 27]. «Этот фольклорно-христианский набор духовно-этического содержания, — считает Т. А. Бернштам, — был адекватен представлениям о “чистоте/девственности” ранневесеннего (предпасхального) времени и природы» [Там же].

Сказка на ранних этапах своей истории, как было уже сказано, была включена в ритуально-мифологическую систему, и сказочник занимал в ней свое, особое место. Считалось, что самым фактом исполнения сказочник вступал в контакт с героями сказок. В коми сказках особо обозначен, на наш взгляд, «выход» из мифического мира. К примеру, некоторые коми сказители конец сказки оформляют таким образом, чтобы присутствующим было ясно — они «возвращаются» оттуда: «Найö öнна мунöны ас царствоö. Ме сэсся накöд иг мун, гортö жö мöдi» (Они и сейчас еще идут к своему царству, а я с ними не пошел, к своему дому направился) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 179]; «И кутiсны овны важ мöзi зэв бура. Ме сэсся мунi на дiньсь, ог тöд кыдз олэни öни» (И стали жить, как и встарь, очень хорошо. Я потом ушел от них, не знаю, как живут сейчас) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 38. Л. 98].

Финальные формулы с подобным значением являются традиционными и для марийских сказок, ср.: «сказка дальше — а я ближе». Как предполагает К. А. Четкарев, этой концовкой рассказчик отделяет себя от сказочных героев и всего сказочного действия. Древнему

сказочнику, по мнению исследователя, казалось, что при рассказывании он сам вместе с героями сказок оказывается в мире чудес и волшебства, поэтому в конце сказки следует «оторвать» себя от этого мира, отторгнуть от себя героев, так как не следует связывать свою жизнь со сказкой [Четкарев 1941, 14].

Необходимо отметить, что финальная формула существования героев «и öни на кöнкö олöны-вылöны» (и сейчас еще живут-поживают) в коми сказках по частоте употребления стоит на первом месте. Ее функцией является убедить слушателей в правдивости рассказанного с помощью указания на то, что герои живут и по сей день.

С течением времени, безусловно, сказка освобождается от влияния мифологического мировидения, становясь плодом поэтического вымысла. Об этом свидетельствуют формулы с шутливой, иронической окраской: «Öни на бура олöны, мунан кö на дiнтi — пырав» (И сейчас еще живут хорошо, будешь идти мимо них — заходи) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 207. Л. 221]; «И öни на олöны-вылöны, колöкö, из кö во налы смерт» (И сейчас еще живут-поживают, возможно, если еще не померли) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 386]. Тем не менее нельзя отрицать, что утверждение «живут и сейчас» может отражать ту стадию бытования сказки, когда народ верил в ее достоверность.

Известному собирателю коми сказок Ф. В. Плесовскому во время фольклорных экспедиций приходилось встречать среди сказочников тех, кто верил в реальность существования сказочных героев. В работе «Сказки народа коми» Ф. В. Плесовский писал: «Н. П. Павлов грамотный, читал кое-какие книжки. После первого знакомства у меня создалось о нем мнение как об остроумном и бодром старике. Записал я от него пять сказок. После записи “Бовы-королевича” от Н. П. Павлова почувствовал, что он верит Бове. Это меня несколько удивило, ибо до этого с людьми, верящими в сказки, мне встречаться не приходилось. “Самое интересное в этой сказке — борьба, битва, — говорил он. — Когда-то были богатыри, теперь таких нет”. Когда я стал узнавать, верит ли он всей сказке о Бове, он отвечал и, кажется, искренне: “Почему нет. Здесь обмана нету <...> Небылицы-то тоже есть, — говорил

он дальше, — вот горлица превращается в девку красную, как это делается, не знаю <...> Вот Илья Муромец в конце камнем стал — вот и верь”. — “А что Илья Муромец был, верите” — спрашивал я. “Как же нет, конечно, верю”, — отвечал он. А. С. Вурдов, тоже старик, более 60 лет. И он на вопрос, верит ли он, что Еруслан Лазаревич существовал в действительности, отвечал так же, как и Н. П. Павлов: “А почему нет? Сильный народ был, потому они и называются — Бова, Еруслан. А вот, когда конь летит выше леса стоячего, ниже облака летучего, это, конечно, прибавили. Прибавили и то, что герой один выходит против войска. А, ведь, есть сильный народ”» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 16–17].

Итак, различные источники указывают, что развитие сказочного творчества в коми культуре шло в основном за счет мужского сказительства (около 70 % сказочников — мужчины). Основная функция сказки — скоротать длинные вечерние часы, свободные от работы. Этим в значительной степени объясняется наличие в репертуаре местных сказочников развернутых и богатых приключениями сюжетов. В мужском коллективе исполнялись сказки любых жанровых разновидностей, что зависело от состава и вкусов слушателей. Однако самой большой популярностью пользовались длинные волшебные сказки «*бур казкаес*» (букв.: хорошие сказки), как их определял И. И. Игушев. Так, например, из 151 коми сказок, записанных в Удорском р-не, 7 — о животных, 108 — волшебных, 36 — бытовых.

Другой удорский сказочник, А. С. Селиванов из д. Сёлиб Удорского р-на, к обычным сказкам относился с пренебрежением: «Это детские сказки, всякий знает», — говорил он о сказках типа «Конек-горбунок» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 18]. В Удорском р-не, как отмечает Ф. В. Плесовский, «волшебные сказки часто не удовлетворяют слушателей <...> Здесь особо славятся сказочники, которые умеют рассказывать сказки, проникшие через лубочную литературу, — таковы сказки о Бове, о Гуаке, о Пане Твардовском» [НАРК. Ф. р2309. Оп. 1. Д. 13. Л. 8]. Большой популярностью пользуются на Удоре и сказки о богатырях

русского эпоса: из 29 коми сказок — 16 записаны в этом регионе.

Сам А. С. Селиванов из многих известных ему традиционных сюжетов создавал свои сказки. Они отличались от других сложной композицией, оригинальным содержанием. Показательным примером может послужить сказка «Акулина-царевна»³, записанная Ф. В. Плесовским в д. Сёлиб Удорского р-на [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 195 об. — 218 об.]. Главным героем в ней является Иван Иванович — сын Акулины-волшебницы и охотника. Сестры дарят ему крылатых коней, на которых он летает, а также другие чудесные предметы: самоигрище-гудок, скатерть-самобранку, ленточку-невидимку. Владея этими волшебными предметами, он решается на основной в своей жизни подвиг — прекратить войну на земле. Он прилетает на поле битвы, где сражаются его зятя, начинает играть на самоигрище-гудке, богатыри, увлекшись музыкой, забывают о битве. Герой разрезает на 12 частей скатерть-самобранку и раздает представителям 12 государств, чтобы народ жил в этих государствах безбедно. Сказка осложнена множеством фантастических эпизодов: герой едет к морской царевне в животе кита, освобождает девушку, прикованную к столбу, и т. д.

Творческое варьирование традиционных сюжетов, мотивов, образов приводит иногда к созданию отдельными современными сказочниками оригинальных композиций, не воспроизводимых в пересказе других рассказчиков. Например, сказка Е. А. Нючева из д. Вылиб Удорского р-на «Степан Максимович» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 134 об. — 154 об.] — контаминация четырех традиционных сюжетов: «Девушка, встающая из гроба» (СУС 307), «Смерть Кашея в яйце» (СУС 302₁), «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (СУС 400₁), «Победитель змея» (СУС 300₁). Вместе с тем она не имеет соответствия в сказочных указателях (СУС, АТ) и представляет собой яркое проявление творческой импровизации. Некоторые из сюжетов, в частности «Смерть Кашея в яйце» (СУС 302₁), сказочником переосмыслены. Герой сказки, пропавший приезд невесты, потерял не только ее,

³ Название сказки, данное исполнителем. Ф. В. Плесовский дал другое название — «Иван Иванович», по имени главного героя сказки.

но и ее любовь. Он должен найти невесту и добыть «любовь», спрятанную в яйце. Традиционное и личное творческие начала здесь неразделимы.

Анализируя подобные сюжеты, можно вполне согласиться с мнением Т. А. Бернштам, считающей, что «функциональный смысл и логика сказочного процесса... в таких длинных волшебных сказках напоминает смысл и построение *летописания*. По аналогии с государственной письменной летописью, начавшейся с IX в., ведущейся представителями Церкви и повествующей об историко-государственных событиях через деяния князей и их дружин, сказку можно назвать “феноменальной (устной) летописью” простого народа, на специфическом языке, с помощью “ключевых” слов-символов кодирующей факты действительности. В отличие от письменного летописания, “феноменальную летопись” вело безымянное множество “летописцев”, но главная роль принадлежала особо выдающимся среди них — тем, кого мы называем “хранителями” традиций, кто по-народному умел “складно рассказывать» [Бернштам 2000, 30].

Знали сказки и коми женщины. Интересной сказочницей и воплоницей, по словам А. К. Микушева, зарекомендовала себя М. В. Казакова из с. Корткерос Корткеросского р-на. Исполняя сказки ее не надо было уговаривать: сама признавалась, что дети постоянно просили ее рассказать какую-нибудь сказку [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205. Л. 13]. К числу известных мастеров-исполнительниц следует отнести А. А. Шуктому. Репертуар талантливой сказительницы не только велик, но и исключительно многообразен. Кроме сказок, А. К. Микушев записал от нее 100 песен, 60 причитаний, 150 частушек. В ее памяти хранится также громадный запас загадок, пословиц и поговорок. На всю округу она славилась как искусная плакальщица, знает не только свадебные, но и похоронные, рекрутские причитания. Причитать выучилась в своей деревне — еще в девушках. По рассказам, жизнь ее была не из легких. Работала прислугой, уборщицей. Вместе с мужем ездили за Урал на отхожие промыслы, заготавливали лес, работали там на сплаве.

Все это время она рассказывала сказки [Микушев 1980, 4–6].

Другой известной сказительницей является Д. Е. Сокерина из с. Кони Княжпогостского р-на. Юмор, любовь к шутке, к красному словечку отличает эту исполнительницу. Она не только прекрасная сказочница, но и певица-импровизатор шуточного, сатирического и юмористического характера. В ее репертуаре довольно много песен-дразнилок. Росла бедно, в нужде. Характер живой и бойкий. Известна в деревне своим умением рассказывать сказки, главным образом бытовые и новеллистические.

Первое, что сразу обращает на себя внимание, это то, что репертуар ни одной из коми сказочниц не исчерпывается исключительно сказками, второе — поразительное сходство их биографий. Исследователи фольклора следующим образом комментируют этот процесс: «По мере перехода от одного социально-возрастного статуса к другому⁴ происходит не только овладение новыми навыками, но и приобретение знаний текстов определенных жанров. Именно по этой причине все сказочницы говорят, что в девушках они были хорошими песенницами, далее они начинают причитать на свадьбах вместе с невестами, после замужества овладевают навыками хозяйственной магии, потом начинают лечить детей, причитать над покойниками, рассказывать внукам сказки. Естественно, что уже имеющиеся «знания» нигде не исчезают (может быть, только слегка забываются)» [Кадикина].

Любой исполнитель рождается, растет, учится своему искусству, создает собственный репертуар, формируется как мастер в конечном счете ради выступлений перед публикой. К сожалению, подробных описаний актов исполнения не так много, собиратели чаще всего ограничивались общими характеристиками и отдельными подробностями.

Все же некоторые уникальные материалы сохранились в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Вот как, например, описал свою встречу с «живым» исполнением сказки А. К. Микушев: «Д. Е. Сокерина легко устанавливает контакт с аудиторией, захватывает ее внимание полностью, сама

⁴ «...от лица, на которое был направлен ритуал (молодая пряха-девушка, невеста, роженица), к лицу, за ритуал ответственному (сваху, повитуху, причетницу, знахарка)» [Адоньева 1998, 26].

увлекается, зажигается, забывая вроде бы обо всем на свете (только не забывая, однако, следить за реакцией аудитории). Вот девочка устроилась прямо на холодном полу и, не сводя глаз со сказочницы, слушает-слушает ее, боясь не только проронить слово, но даже громче рассмеяться. Бывалый рабочий совхоза сидит тут же, дымя папирсой, смотрит на сказительницу с такой улыбкой, с таким лукавым, недоверчивым и вместе с тем одобрительным выражением лица и будто про себя говорит: “Ну и шельма же ты Сокерина! Ну и мастерица же ты складно сочинять!” Не успеет Сокерина закончить одну сказку или байку, а уже со всех сторон требуют снова: “Вай ещё мойд!” (Давай еще одну сказку!)» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а. Л. 72, 77].

Приведенные примеры свидетельствуют, что, несмотря на широкий диапазон сюжетов, известных исполнителям, они предпочитают исполнять сказки определенной жанровой разновидности. Имеются различия и в манере исполнения — от эпически спокойной до артистической, подвижной.

Например, искусство известного на Вишере сказочника-балагура, шутника А. А. Габова. Описывая его стиль исполнения, И. А. Осипов замечает: «Как сказочник Габов (Опоть Олексей) известен по всей Вишере. Его знают в каждом селе и при расспросах указывают на него за много верст вперед. Известность такая заслуженная. Алексей Габов — мастер-сказочник, который выделяется среди других рядовых сказочников богатством своего репертуара, творческим талантом и, главное, мастерским, артистическим исполнением. <...> Серьезные, особенно эпические повествования нисколько не подходят ему. По природе он веселый, жизнерадостный человек, и его сказки рассказываются для того, чтобы развеселить слушателей. <...> При исполнении сказок Алексей Габов как будто на сцене; он рассказывает и одновременно изображает рассказанное с помощью жестов, мимики, богатой интонации, подражая голосом речи героев. Он часто меняет позу, встает, обратно садится. Рассказывает он с большим воодушевлением и своим воодушевлением невольно увлекает слушателя» [Осипов 1941, 250, 252].

К числу наиболее ярких представителей современных знатоков и хранителей фольклора принадлежит и удорский сказочник И. И. Игушев из д. Муфтыга Удорского р-на. Манера исполнения и интонация сказок изучалась нами во время непосредственного контакта со сказочником, на основе слухового восприятия, а также при прослушивании магнитофонных записей.

Коллективно выработанная фольклорная традиция д. Муфтыги послужила почвой, на которой выросла творческая индивидуальность И. И. Игушева. Основу его репертуара составляют длинные многосюжетные волшебные сказки: «*Кöин-сар*» (Волчий царь), «Кудряш», «Венька» и др. Интерес представляют лубочные сказки о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, которые непосредственно не восходят к печатному источнику, сказочник усвоил их из устной традиции. В репертуаре И. И. Игушева четыре оригинальных сказочных сюжета о богатырях русского эпоса. Есть в нем и бытовые сказки: «*шутной, балагуритан казка*» (шутные, балагурные сказки) — «*Нöбасьыь саломщик*» (Беременный саломщик), «*Порсь велöдысь*» (Учитель свиней). Большие по размеру сказочные произведения сказочник создает, оригинально разрабатывая известные и малоизвестные сюжеты, контаминируя их. Увеличению объема сказок способствует также строгое соблюдение исполнителем традиционной сказочной обрядности: употребление сказочных формул, дословное повторение целых эпизодов, троичность действия.

И. И. Игушев — человек скромный, положительный. Рассказывая сказки, он сидит на своем обычном месте — за столом, на плотно придвинутом к нему стуле. Никаких вещей поблизости от сказочника не имеется. Мускулы лица ослаблены, неподвижны. Никакой попытки пользоваться мимикой нет. Ведет повествование без лишних жестов, сдержанно, он не размахивает руками, спокойно сидит на месте. Итак, пантомимическая стилистика — полная неподвижность, беспристрастие лица и тела. Ясно, что такая манера исполнения подходит к волшебно-фантастическому материалу.

Что касается интонационного оформления, то оно в точности соответствует

стилистике пантомимической. И.И. Игушев — человек тихий, спокойный, любит рассказывать сказки в медленном темпе. Речь рассказчика приостанавливается иногда вставным словом «ну ладно»: «Но ладно, бора вöдзö муні, муні — воис мөд дөмө»[AA] (Ну ладно, ехал, ехал, приехал ко второму дому). Слово «ну ладно» произносится более низким, спокойным голосом, сказочник как бы акцентирует внимание слушателя на длительности действия, отделяя одно событие от другого. Дистанционная установка, несколько замедленный темп определяют особое течение сказочной речи. Эпический мир сказки как бы вырастает на наших глазах [Саука 1977, 224].

Итак, И.И. Игушев обладает своими, присущими ему драматическими приемами, которые обычно соответствуют не только рассказываемому сюжету, но и общей манере сказывания, выработанной под влиянием всего сказочного репертуара, в котором преобладают длинные волшебные сказки. Стремление рассказывать длинные многосюжетные сказки сдержанно, без лишних жестов, отсутствие мимики, неспешность действия исполнителя, обилие стилистических повторов придают его произведениям эпическую размеренность и позволяют охарактеризовать индивидуальный стиль И.И. Игушева как стиль сказочника-эпика, сохранившего в своем творчестве четкие формы сказочной обрядности.

Богатство и разнообразие коми сказок, записанных на протяжении большого

промежутка времени, значительное количество выявленных сказочников, наблюдения собирателей, касающиеся особенностей манеры исполнения сказок, позволяют сделать некоторые выводы относительно роли сказочников в современной культуре народа коми:

1. В настоящее время происходит сужение непосредственной фольклорной традиции. Практически исчез тот общекультурный пласт, в рамках которого могут функционировать и быть востребованными сказки. Ныне устное бытование традиционных сказок ограничивается преимущественно семейным кругом, рассказывают их чаще всего пожилые люди детям. Оставшись без своей «питательной среды», они забываются.

2. Сегодня все более очевидно, что происходит утрата старых этнобытовых связей фольклорных явлений и в качестве доминанты выдвигается художественная функция традиционного фольклора, фольклорная традиция воспринимается в первую очередь как эстетический феномен.

3. Приведенные примеры закономерных изменений, происходящих в коми народном сказкотворчестве, отнюдь не говорят о разрушении его глубинной традиционной основы. Несмотря на то что круг слушателей и ценителей сказок значительно сузился, ушли из жизни мастера сказочного эпоса, сказочная традиция еще жива, она сконцентрирована в архивах, фонотеках и не утрачивает высокой ценности как культурное наследие.

Литература

Адоньева 1998 — Адоньева С. Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.

Азадовский 1938 — Азадовский М. К. Русские сказочники // Литература и фольклор. Л., 1938. С. 196–272.

АТ — Aarne A. The types of the folktale: A classification and bibliography Antti Aarne's. Verzeichnis der Märchentypen / Translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961.

Бернштам 2000 — Бернштам Т. А. Сказка в быту и культуре русского крестьянства // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 26–33.

Зеленин 1914 — Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина // Зап. РГО. Т. XXI. П., 1914.

Кадикина — Кадикина О. А. О сказочниках // Фольклор и постфольклор: структу-

ра, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kadikina1.htm> (дата обращения 24.03.2017).

Костина 2008 — Костина А. В. Особенности субъекта традиционной культуры: личный аспект // Славянская традиционная культура и современный мир: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Вып. 11. М., 2008. С. 19–35.

Лавонен 1977 — Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977.

Микушев 1980 — Ипатьдорса фольклор (Фольклор села Ипатово) / Сост. А. К. Микушев. Сыктывкар, 1980.

Ончуков 1908 — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии): Сборник Н. Е. Ончукова // Записки РГО. Т. XXXIII. СПб., 1908.

Осипов 1941 — Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И. А. Осипов. Сыктывкар, 1941.

Плесовский — *Плесовский Ф. В.* Сказки народа коми: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.; Л., 1950.

Саука 1977— *Саука Л.* Интонация в сказке // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 223–230.

Сидоров 1997 — *Сидоров А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. СПб., 1997.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1976.

Четкарев 1941 — Марийские сказки. Т. 1: Ронгинский район. / Зап., пер., ст. и комм. К. А. Четкарева; Под ред. и с предисл. проф. М. К. Азадовского. Л., 1941.

Сокращения

НА КНЦ — Научный архив Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

НАРК — Национальный архив Республики Коми, г. Сыктывкар

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Разряд V, коллекция 219, г. Санкт-Петербург

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: nadezhdakorovina@mail.ru

STORY-TELLERS IN TRADITIONAL CULTURE OF THE KOMI PEOPLE

NADEZHDA KOROVINA

(Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Russian Academy of Sciences:
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. *The paper presents a study of the complex problems associated with the art of Komi story-tellers. Abundance and diversity of Komi fairy-tales, recorded over a long period of time, a significant number of identified narrators, collectors' observations concerning the characteristics and manner of performance of fairy tales, allow us to draw some conclusions on the role of story-tellers in the contemporary folk culture of Komi people:*

1. *Narration of tales was common in workers' cooperatives and gangs and it was intended mainly for adults. Fabulous creativity in the Komi oral culture was developed mainly by male local narrators. Due to performers' and audience's gender repertoire deployed elaborated stories about adventures.*

2. *Although Komi folk-tales contain relict remnants of ancient magic functions inherent in them, they function for entertainment. They were told during the hours of leisure for amusement and brought esthetic pleasure.*

3. *Each of story-tellers had individual characteristics. Some of them knew one or two, or some few tales, others had a significant repertoire, including even several dozens of texts. Some story-tellers are average, others are born masters. Choice of own fabulous repertoire from traditional inventory depended on personal preferences of the narrator. Not only words, but also gestures, facial expressions and voice were involved into creation of fabulous images.*

Key words: *Komi folk-tale, the story-teller, folk culture, tradition, ritual function of narration, ceremonial ("epic") story-teller, jokester-story-teller, individual style.*

Acknowledgements. *This paper is financially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research of the Uralic division of the RAS, project No. 15-13-6-30 "Komi oral folk-tale tradition and contemporary folk story-tellers".*

References

Azadovskiy M. K. (1938) Russkie skazochniki [Russian story-tellers of folk-tales]. *Literatura i fol'klor* [Literature and folklore]. Leningrad. Pp. 196–272. In Russian.

Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comp.) (1976) *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative plot index: East-Slavic folk-tale]. Leningrad. In Russian.

Bernshtam T. A. (2000) *Skazka v bytu i kul'tura russkogo krest'yanstva* [Folk-tale in everyday life of the Russian peasantry]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2000. No. 1. Pp. 26–33. In Russian.

Chetkarev K. A. (record., pref., comm., transl.) (1941) *Mariyskie skazki* [Folk-tales of the Mari people]. Vol. 1: Ronginskiy rayon [Rongan district]. Leningrad. In Russian.

Kadikina O. A. *O skazochnitsakh* [About story-tellers of folk-tales]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and post-folklore: Structure, typology, semiotics]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kadikina1.htm> (retrieved: 24.03.2017). In Russian.

Kostina A. V. (2008) *Osobennosti sub'ekta traditsionnoy kul'tury: lichnostnyy aspekt* [Features of the traditional culture's subject]. *Slavyanskaya*

traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Issue 11: *Lichnost' v fol'klore: ispolnitel', master, sobirateľ, issledovatel'* [Personality in folklore: artist, master, collector, researcher]. Moscow. 2008. Pp. 19–35. In Russian.

Lavonen N. A. (1977) *Karel'skaya narodnaya zagadka* [Karelian Folk Riddle]. Leningrad. In Russian and in Karelian.

Mikushev A. K. (comp.) (1980) *Ipat'dorsa fol'klor* [Fol'klor sela Ipatovo] [Folklore of Ipatovo village]. Syktyvkar. In Komi.

Onchukov N. E. (1908) *Severnye skazki* (Arkhangel'skaya i Olonetskaya gubernii) [Northern Folktales (Arkhangelsk and Olonets provinces)]. *Polnoe sobranie russkikh skazok* [Complete Collection of Russian Folk Tales]. Vol. 1. St. Petersburg. In Russian.

Osipov I. A. (comp.) (1941) *Viser vozhsa s'ylyankyv'yas da moydykv'yas* (Pesni i skazki Visheru) [Songs and folk-tales at Visheru the river's basin]. Syktyvkar. In Komi.

Plesovskiy F. V. (1950) *Skazki naroda komi* [Folk-tales among the Komi people]. PhD thesis (Philology). Moscow; Leningrad. In Russian.

Sauka L. (1977) *Intonatsiya v skazke* [Intonation in the folk-tale]. *Fol'klor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. Moscow. Pp. 223–230. In Russian.

Sidorov A. S. (1997) Znaharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi [Healing, witchcraft and malefice among the Komi people]. St. Petersburg. In Russian.

Thompson S. (transl., ed.) (1961) The types of the folktale: A classification and bibliography: Antti Aarne's. Verzeichnis der Märchentypen. Translated <from German> and enlarged by S. Thompson. Helsinki. In English.

Zelenin D. K. (comp.) (1914) Velikorusskie skazki Permskoy gubernii [Great-Russian Folktales of Perm' Province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Emperor Russian Geographical Society, the Department of Ethnography]. Vol. 41. Petrograd. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: nadezhdakorovina@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

PhD (Philology), senior researcher, Folklore Department, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Russian Academy of Sciences
